

ГЛАВА X. ШКОЛЫ БЕЗ УЧЕБНИКОВ

Образование и знание принадлежат к числу важнейших понятий нашего времени. Одним из предрассудков отживающих общественных форм было то, что человек без академического образования считался менее полноценным, чем имеющий таковое. Прогрессивное же человечество давно уже признало, что систематическое умственное образование должно быть доступно всем способным людям независимо от их материального положения.

Тем самым будет достигнуто идеальное состояние «равных возможностей» - состояние, которого стремится достичь наше современное воспитание и которое издавна известно первобытным народам. У первобытных народов стремление к традиционным знаниям и их приобретение совершенно обязательны для каждого члена племени. У них не бывает «неграмотных» (если только это слово применимо к народам, не имеющим письменности), в то время как в цивилизованных странах обязательное школьное обучение было впервые введено в Германии в 1642 году, во Франции - в 1806 и в Англии в 1876 году. Эти даты наглядно показывают, как много времени потребовалось нам для того, чтобы понять, что знания, которые ранее были доступны лишь немногим счастливым, должны стать всеобщим достоянием.

В мире первобытной культуры преподавание и обучение не зависят от наличия денежных средств, сосредоточенных в руках отдельных людей. Каждый человек имеет право овладеть теми же знаниями, что и всякий другой. Школам первобытных народов неведомы также спешка и механистичность преподавания, которые у нас часто уже в юности служат препятствием для свободного развития личности. Именно потому, что каждый ребенок вырастает под постоянным присмотром родителей, в пустынях, степях и саваннах у первобытных народов отсутствует преступность среди несовершеннолетних; это - проклятье капиталистических стран.

Будучи духовно ничем не связанным, первобытный человек имеет нечто общее с животными: не угнетаемый материальной нуждой, он может обучать своих детей тем навыкам, какие им необходимы для существования. Находясь в тесном общении с природой, человек наблюдал, например, как австралийский медведь коала обучает своих детенышей влезать на эвкалипт - их древо жизни, как самка енота терпеливо заставляет своих детенышей очищать пищу в воде, прежде чем ее есть, и как тюлень при обучении потомства берет на себя роль учителя плавания. Точно так же действует и первобытный человек в роли умного наставника своих детей. И хотя эти «отрасли знания», связанные с поведением во внешней среде, нельзя назвать образованием в нашем понимании, все же они, несомненно, не лишены духовной ценности.

Индейский ребенок на спине у бабушки (индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор)

Во всем мире нет ни одного народа, который не считал бы воспитание своего потомства своей важнейшей обязанностью. При этом идеал воспитания всегда имеет два аспекта: один, заключающийся в передаче необходимых для существования технических знаний в рамках данной культуры, и второй, представляющий собой важную и выполняемую с большой тщательностью задачу ознакомить ребенка, подростка и, наконец, юношу и девушку с основами этических, духовных и социальных ценностей, составляющих базис общественной жизни.

Средства, при помощи которых достигаются эти цели, так же разнообразны, как и оттенки кожи различных народов или диалекты и языки, на которых они говорят, но сами цели одинаковы. Именно это чувство внутренней ответственности по отношению к будущему поколению и отличает человека от животного. То, что у первобытных народов печатная книга в качестве средства воспитания заменяется устной речью, и тот факт, что профессиональный учитель в нашем понимании этого слова им неизвестен, - все это не так уж существенно: ведь у них отцы и матери, и в первую очередь, почтенные старцы, мудро и с достоинством ведут корабль воспитания по руслу устных традиций племени.

К какого же рода жизни подготавливают своих юных учеников воспитатели народов, не имеющих писаной истории? Хотя они и не знают большинства приборов и оборудования, которые мы считаем

«необходимыми», их мир все же во многих отношениях богаче, лошнее и сложнее стандартизированной жизни цивилизованного мира. Чем ближе общественный уклад к колыбели первобытного человечества, чем он древнее и изолированнее, тем дальше все представления этого мира от нашей современности, от нашей узко специализированной мысли.

Так, прежде всего, почти не существует границ, отделяющих видимый мир от невидимого. Камни, скалы, растения и животные, луна и звезды - все это живые партнеры человека и носители дружественных ему или враждебных сил, чье милостивое влияние приобретается человеком благодаря неустанной бдительности и колдовству. Даже употребление предметов повседневного обихода, палок-копалок, западней, жерновов или корзин зависит от определенных магических традиций и от табу, которые могут нам казаться ненужными, но которые для первобытного человека представляют такую же реальность, как день и ночь, рыба и дичь или зерно дикого растения. В обществе, которое в целом чувствует себя ответственным за поступки каждого принадлежащего к нему человека, несоблюдение таких неписаных, но все же жизненно важных законов нередко влечет за собой смерть нарушителя.

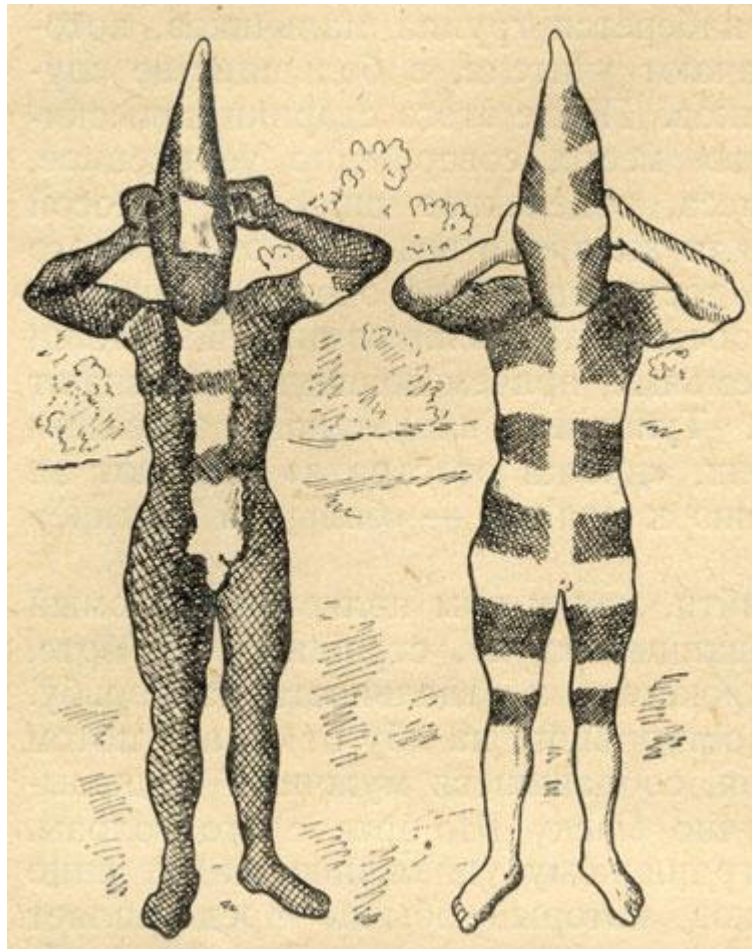
У зуны, например, все вещи и предметы пользуются уважением и считаются «хои», или «живыми существами». Калифорнийцы тубатулабал не отважились бы выкопать ни одного корня «священного» растения Джимсон (*Datura meteloides*), не обратившись к нему предварительно с краткой приветственной речью. На всех членов племени кри обрушилось бы несчастье, если бы какая-либо женщина или девушка пренебрегла хотя бы одним из дней уединения, ежемесячно посвящаемых луне. Вера в то, что нарушение священных правил племени из-за небрежности одного человека может поставить под угрозу безопасность всего общества, превращает обязанности воспитания у первобытных народов в дело, жизненно важное для всего племени. Опасности, грозящие человеку со стороны природы, и неугасимая жажда мести, которой охвачены бесчисленные духи, заставляют первобытных людей воспитывать молодое поколение в духе покорности и в сознании своей ответственности, - качества, неизвестные нашей современной цивилизации.

По одной этой причине в детях первобытных народов уже с самого раннего возраста воспитывают заботливое и почтительное отношение к силам окружающего мира. Если новорожденный кажется достаточно жизнеспособным, сразу же по окончании строго соблюдаемых обрядов, сопровождающих рождение ребенка и наречение его имени, его колыбель и тело при помощи талисманов, молитв и добрых пожеланий поручаются милости невидимых сил. Но за развитием души следят еще более тщательно, чем за развитием тела. Шаг за шагом подрастающему ребенку передается мудрость древних времен. С самого младенческого возраста ребенка мать неустанно носит его с собой, продолжая выполнять свои повседневные обязанности,

связанные с собиранием дров и растений, посевом и уборкой урожая и изготовлением предметов домашнего обихода. Путешествует ли он с ней, сидя верхом на ее бедре, как это обычно для Африки, или знакомится с миром из-за ее спины со специальной подставки, какую употребляют индейцы для ношения детей, ребенок принимает участие во всех движениях и во всей деятельности матери и вскоре начинает тянуться ручками к орудиям, которыми она работает. Широко открытыми глазами следит он за ее движениями во время священного танца и за тем, как она обращается с обрядовыми предметами, и слушает ее беседы с духами и покойниками.

В самом нежном возрасте ребенок первобытного народа всецело принадлежит матери, которая называет его всякими ласковыми именами и всячески проявляет свою любовь к нему. Индейцы чикасоу в Оклахоме укладывают, например, спать мальчиков на шкуру пантеры, чтобы к ним перешли ум и сила этого зверя, а маленьких девочек - на шкуру серны, чтобы они были такими же «нежными и грациозными».

Первобытные народы почти вовсе не применяют телесных наказаний к маленьким детям, но зато они располагают целым рядом других дисциплинарных мер. К таким безобидным, но действенным средствам принадлежит, например, обычай пангве заставлять звучать около дома «голос» могущественного духа (который воспроизводится мальчиками или мужчинами при помощи «волчка») для того, чтобы внушить непослушным детям уважение и страх перед Эдзибонго, пожирателем детей. Иногда снаружи бухают по земле деревянным шестом, причем кто-нибудь таинственно шепчет: «Злой человек... он пришел...» Такие воспитательные методы уже у самых маленьких детей вызывают представление о могуществе неведомых духов. Такой же обычай существует и у индейцев чиппеваев, грозящих непослушным детям лапой медведя, которая «придет и унесет их». Угрозу иногда претворяют в жизнь, при этом в палатку снаружи просовывают старый мокассин, привязанный к палке, что наводит на маленьких преступников невероятный ужас.

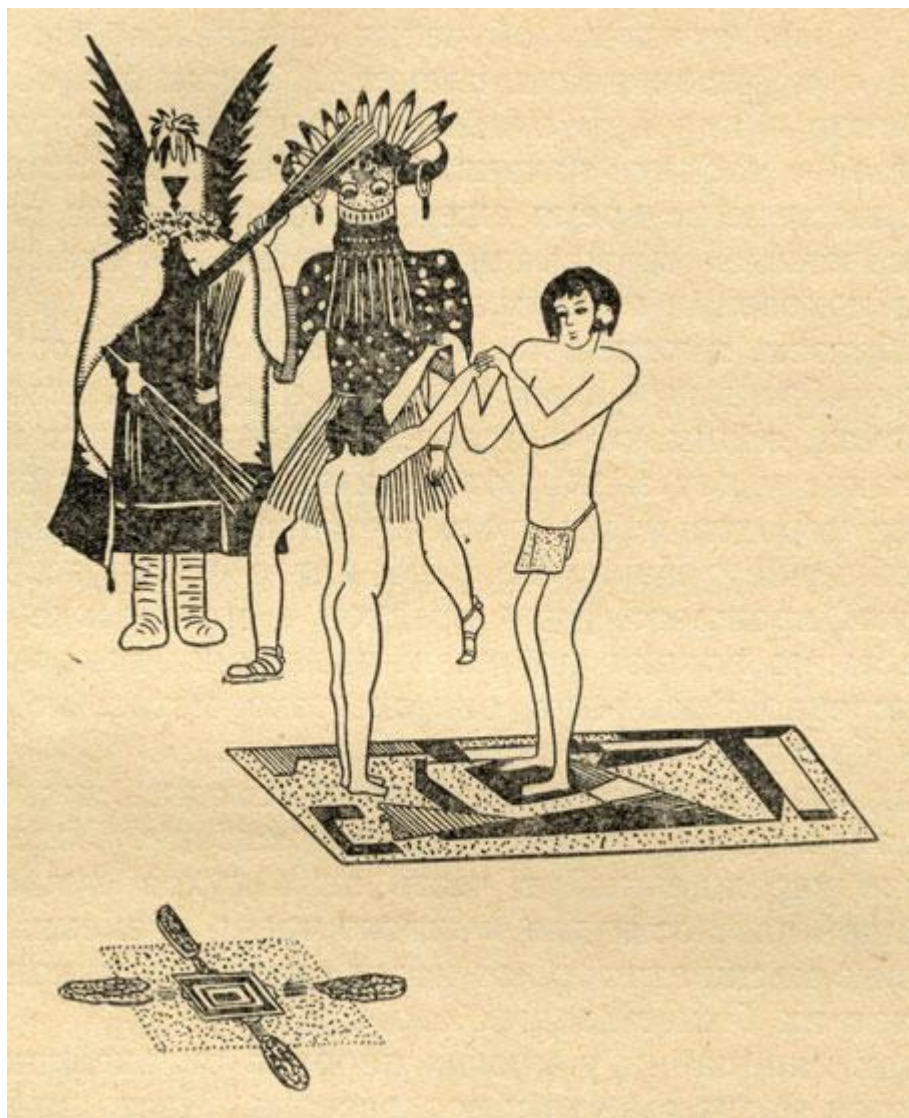
'Духи' в масках, пугающие посвященных во время церемонии инициации (племя селк'нам, Огненная Земля)

Иногда для «убедительности» прибегают к легким шлепкам, которые, однако, никогда не превращаются в тяжелые телесные наказания. Своеобразное телесное наказание, имеющее место у племени кри, состоящее в том, что мать царапает ноги и бедра непослушного ребенка двухзубой челюстью морской щуки до крови, основано на веровании, что такое «кровопускание» полезно ребенку. Едва ли здесь нужно особенно подчеркивать, что дети всех племен приучаются к соблюдению общепринятых гигиенических правил. Стремление приучать детей к телесной чистоте особенно сильно выражено у эскимосов и у различных индейских племен, дети которых уже в самом юном возрасте парятся в банях и купаются в реке, даже если для этого предварительно приходится делать во льду прорубь для купанья.

Как и у наших детей, лучшим учителем у первобытных народов считается хороший пример, особенно при соблюдении этикета, благопристойности и такта, которые вообще подчинены крайне сложным представлениям. Так, например, чувство стыда ни у одного человека не является прирожденным, что доказывают совершенно различные проявления этого чувства в различных местах земного шара. Маленькая папуаска нор на Новой Гвинее отнюдь не стыдится своей наготы, но красавица зардеется от безграничного смущения,

если кто-нибудь случайно увидит ее без клочка материи, который свешивается с головы у каждой, соблюдающей приличия обительницы деревни. Различные африканские и южноамериканские племена, которые с достоинством разгуливают в совершенно нагом виде, страшно стыдятся, если их увидят за едой.

Инициация у индейцев хопи. Бичевание посвящаемого

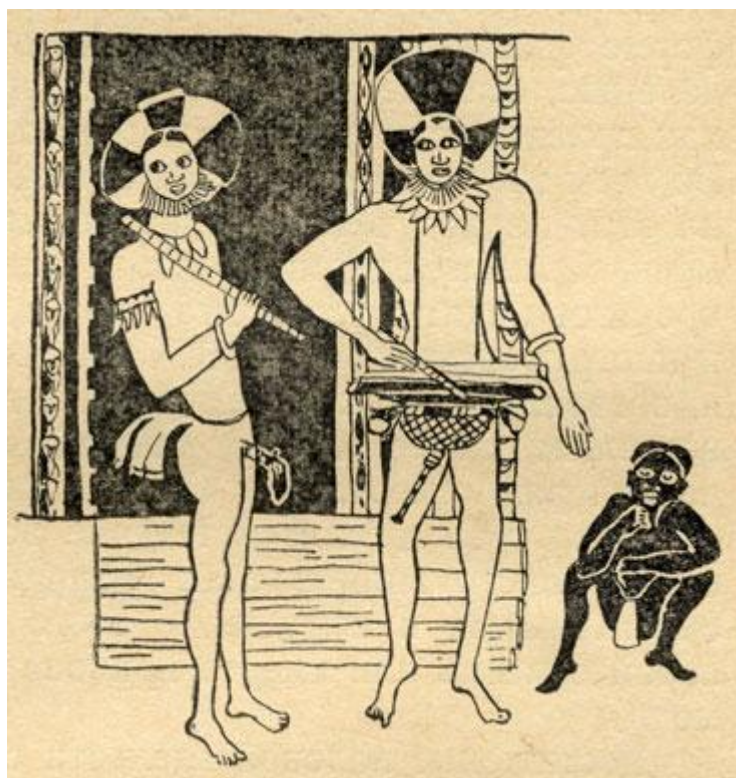
О весьма свободомыслящих западноафриканских пангве Тессман сообщает, что у них слово «озон» (стыд) не сходит с языка и что они презирают за «невоспитанность» белого исследователя, не понимающего их тонких намеков -таких, например, как: «Мне нужно сходить за дровами», или «Я быстренько сбегаю посмотреть западни», к которым они прибегают для выражения их естественной нужды. Если такой благовоспитанный пангве приходит в другую деревню, он тотчас же тактично осведомляется о «жилище хозяина деревни» или спрашивает: «Куда я могу обратиться в случае, если меня будут преследовать?» Все эти обороты являются выражениями «образованного человека», заменяющими неприятное слово «эдук» - «отхожее место», - слово, которое никогда не произносит тактичный пангве.

Столь сильно развитое чувство благопристойности распространяется иногда даже на мир птиц. Так, например, огнеземельцы ямана верят в то, что их предки когда-то, много лет назад, оскорбили крайне обидчивую птицу лахува (появление которой возвещает наступление весны) своими громкими возгласами: «Пришла весна! Вон летит лахува!»; обиженная такими возгласами птица наслала вместо весны запоздалую зиму, от снега и льда которой погибли многие ямана. Поэтому теперь потомки этих неосмотрительных соплеменников при виде птицы лахува застывают в молчаливом почтении и остерегаются нехстати разгневать ее каким-либо шорохом.

Еще большей осмотрительности требует у первобытных народов соблюдение сложных обычаев приветствия, так как, по их представлениям, несоблюдение их может навлечь несчастье, болезнь или войну. Некоторые племена при виде чужого человека до тех пор остаются сидеть на корточках, пока тот не приблизится и не заметит их миролюбивой позы. Другие свидетельствуют свое глубокое почтение, становясь на колени или падая ничком на землю. Для приветствия снимают головной убор, обувь и другие предметы одежды, а в некоторых случаях чувство уважения к пришельцу повелевает избегать его взгляда и повертываться к нему спиной. Многие племена считают невоспитанным даже хотя бы заговорить с чужим человеком, они приглашают его жестами принять участие в трапезе и заговаривают с ним лишь после того, как он отдохнет. Когда Стефансон сделал визит одному племени в районе Маккензи, приветствовать его явилась вся локальная группа, и каждый член племени поочередно выходил из толпы, обращаясь к исследователю с такими словами: «Меня зовут так-то. Я тебе друг. У меня нет при себе ножа. Как тебя зовут?» Одна из самых распространенных форм приветствия заключается в том, что двое встретившихся друг с другом трутся носами. Этот обычай часто служит также выражением расположения и любви. Мискито Гондураса «целуют» своих маленьких детей носом и называют это «слышать их запах». Один исследователь, который долго жил среди этого племени, нашел, что «наша манера целоваться вызывает у них отвращение и рассматривается как смягченная форма каннибализма».

Ребенок, естественно, с самого раннего возраста наблюдает все эти обычаи и перенимает их без дополнительных наставлений. Подрастая, он в первые годы еще пользуется преимуществами своего нежного возраста, потому что многие народы годы детства и юности вплоть до половой зрелости считают ангельским состоянием, когда с человека нельзя требовать какой-либо ответственности за свои поступки. Ребенок просто не может совершить беззакония, и ему быстро и охотно прощают его шалости. У многих западноафриканских племен, например, детство, по словам Тессмана, рассматривается «как предварительная стадия человеческого состояния, подобная стадии гусеницы, которая позже превращается в бабочку». Пангве делят всех людей на «хороших» (бебин) и «плохих» (бонгус) и, не колеблясь, относят всех детей к категории бебин. Тот же исследователь

сообщает, что даже двадцатидвухлетние юноши пытались оправдывать совершенные ими нарушения существующих этических законов, утверждая, что они «еще дети, а дети всегда хороши». Такое же представление присуще и индейцам, что подтверждается выступлениями на священных церемониях зуньи так называемых клоунов-койемчи, которых представляют взрослые, но которых считают «сказочными детьми».

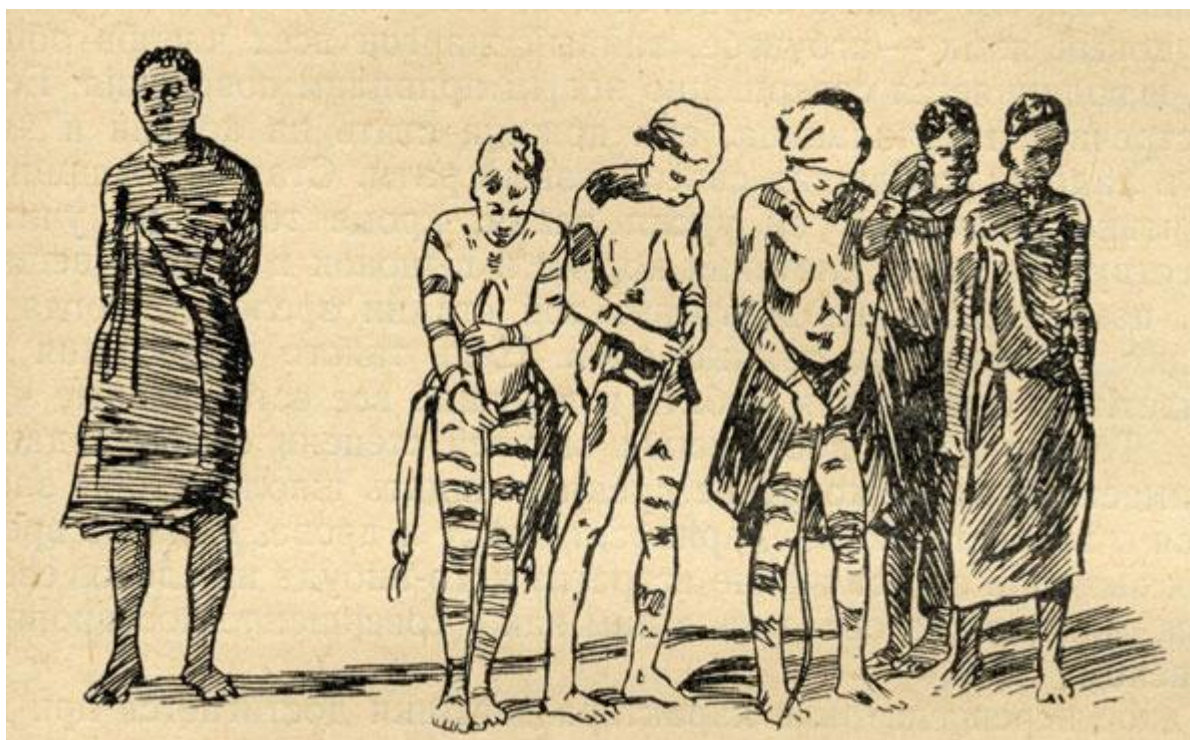
Выкрашенные в белый цвет посвящаемые во время церемонии инициации с ксилофонами для предупредительных сигналов (пангве, Западная Африка)

Когда же подходит к концу золотое время раннего детства, сыновья выходят из-под нежного попечения матерей и льнут к отцам, чтобы научиться у них искусству охоты, устройства ловушек, рыболовства и ведения войны. Врожденное чувство почтения к отцам вызывает у них с ранних лет мечту получить игрушечные оружия и орудия, подобно тем, которыми пользуются отцы, желание научиться ими владеть. Они ловят кузнечиков и мышей в крошечные западни, представляющие собой точные копии больших западней отцов. Наряду с этим прекрасными научными пособиями для молодого поколения служат рыболовные снасти, земледельческие орудия, мешки для добычи, самострелы, барабаны и множество других маленьких предметов. В результате подрастающий мальчик быстро овладевает под присмотром отца и его друзей всеми техническими навыками, необходимыми для жизни.

Так же обстоит дело и с девочками, которые, сначала играя, а затем побуждаемые чувством честолюбия, учатся у матерей искусству шить мокасины, собирать желуди, прясть, ткать и т. п., вплоть до

проникновения в косметические тайны с целью украшения своего лица и тела. Нет такого племени, где родители бы беспрестанно не старались как можно раньше посвятить своих детей во все материальные и духовные области знания, обучая их не только ремеслам и прикладным искусствам, но в первую очередь внушая им почтение к предкам, знакомя их с духами, населяющими окружающий мир, и со всеми основами их традиций и верований.

Церемония инициации девушек у племени ваньемба (Нконго, Центральная Ангола)

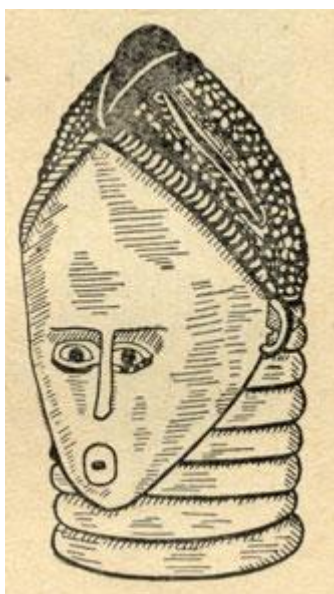
Так, постепенно дети выходят из «ангельского» состояния невинности и вступают в сложный возраст полового созревания. И точно так же, как и в нашей общественной среде, им приходится отныне бороться со всякими проблемами, которые находят свое выражение в разного рода поступках и неуравновешенности, столь типичных для этого возраста. Их игры становятся не столь невинными, и их поступки начинают отражать этический уровень племени. Иногда они становятся чрезвычайно робкими и замкнутыми или, напротив, подражают поступкам взрослых, будучи еще в таком возрасте, когда развлечения должны бы носить более невинный характер.

Дети многих африканских, меланезийских и других племен развиваются особенно быстро, в то время как другие еще долго предпочитают симулировать состояние невинности, из которого они уже вышли. В этом возрасте дети часто кощунственным образом копируют священные церемонии взрослых. В то время как, например, родители пангве с великим почтением хранят черепа предков в деревянной бочке, их дети сооружают из пальмовой сердцевины маленькие бочонки, куда прячут обезьяньи черепа; при помощи их

они копируют священные танцы с черепами, исполняемые их родителями во времена бедствий, чтобы вымолить помощь у умерших.

Да и сами родители начинают постепенно менять свое отношение к детям. Им уже не так быстро прощают их шалости и пока они не принадлежат еще к избранному кругу тех, кто прошел установленные для молодежи церемонии инициации, с ними обращаются уже менее нежно. Они лишаются своих привилегий детства и в то же время их еще не принимают за взрослых.

В семьях иногда изрядно злоупотребляют этим переходным состоянием, возлагая на подростков неприятные обязанности. Старшие братья и сестры заставляют их оказывать всякого рода услуги, но им попрежнему не разрешают пользоваться преимуществами взрослых. Так, например, юноша племени юалайи (Восточная Австралия), еще не принятый в племя как мужчина, не имеет права зажигать огонь, что считается проявлением мужской силы. У индейцев племен крик мальчишки-подростки должны были «зажигать трубки, приносить дрова, готовить черный напиток воинов и выполнять всю тяжелую работу на деревенской площади». Старый исследователь Суон высказал мнение, что подневольный труд «подстегивал их честолюбие, так что они презирали всякие препятствия, лишь бы только раздобыть скальп или, как они говорили, принести домой волосы» - подвиг, после совершения которого они считались мужчинами.

Маска послушницы тайного общества Бунду (Западная Африка)

У большинства племен достижение юношами и девушками половой зрелости служит официальным поводом для торжественного (принятия их в общество взрослых. Отсутствие церемоний инициации является не правилом, а исключением. Но даже там, где такие торжества как будто не приняты, как, например (по данным Тюркетиль), у эскимосов Гудзонова залива и (по данным Вугелина) у калифорнийских

тубатулабал, - мы знаем, что молодые девушки калифорнийских индейцев «регулярно обучались матерями и бабушками всем женским делам», а старейшины племени часто делали «юношам сообщения об охотничьих обычаях и общем поведении». А об эскимосах сообщают, что девушки по достижении ими половой зрелости меняли одежду и носили такие же шапки, «как и взрослые женщины».

Но устраивается ли официальное празднество, или нет, известно одно: у всех племен именно ко времени половой зрелости юношей и девушек усиленно обучают техническим навыкам взрослых и посвящают в моральные и религиозные представления, и девушка или юноша только тогда признаются полноценными членами общества, когда они овладевают ремеслом и знают заповеди и запреты взрослых. Там же, где в обычае «конфирмация» или церемония инициации молодежи, ей всегда предшествует строго определенный период систематического обучения, причем предметами этого обучения являются главным образом физическая закалка и посвящение в тайные правила религиозного ритуала. Этот период обучения завершается обрядом инициации.

Об этом важном празднестве, во время которого молодые люди официально принимаются в племя как взрослые, очень много говорилось и писалось. К числу лучших знатоков в этой области принадлежит в первую очередь швейцарский исследователь Феликс Шпейзер, который предполагает, что в основе примитивного обряда инициации лежит причащение важнейшей пищей племени. Ибо эти совершенно необходимые для существования растения и животные охраняются мистическими силами, которые одевают своими дарами только тех, кто стал достойным этого, пройдя через церемонию инициации. Ребенок, которого кормили его родители, теперь вырос. Но перед тем как стать зрелым, он должен сначала добиться милости могущественных демонов плодородия, чтобы они предоставляли ему необходимую пищу. Поэтому в период подготовки, между детством и обрядом инициации, молодой человек не смеет прикасаться к этим важнейшим видам пищи, они являются для него табу.

Ведьма Бунду (Западная Африка)

Этими колдовскими силами, распорядителями съедобных растений и пригодных в пищу животных, являются у народов древнейших культур духи предков, - чем отчасти объясняется церемонное почитание предков, которое сохранилось в религиях многих высоких культур. В земледельческих культурах роль предков переходит к демонам плодородия, хотя предки продолжают играть важную роль в качестве посредников между этими демонами и смертными. Именно предки помогают подрастающему молодому человеку снискать милость могущественных духов, и они же наделяют физическими способностями, связанными с превращением его во взрослого человека. Для того чтобы заслужить милость духов, ребенок должен сначала умереть, чтобы затем возродиться взрослым, - превращение, символически инсценируемое на всех церемониях инициации. Предшествующий заключительному обряду инициации ход подготовки получил свое логическое развитие именно из этой идеи: она начинается с пищевых табу, после чего «ребенка» похищают духи предков, которые должны руководить его суровой подготовкой; эта подготовка заключается в отделении его от остальных соплеменников и в тщательном обучении его старейшинами, которые носят маски духов. Среди изучаемых предметов важное место занимает учение о пище и ее приготовлении. Тело подростка подвергается строжайшей дисциплине до тех пор, пока, наконец, юноша не будет подготовлен к

«причащению» под руководством одного из «духов», представляющих душу предка. По окончании торжественного обряда инициации отменяются наложенные на пищу табу, и взрослые мужчины признают новопосвященного равным себе.

Но такого рода церемониям подвергаются не только мальчики. В частности у народов первобытных культур, у которых охота (ею занимались мужчины) имела в жизни племени такое же значение, как и (выполняемое женщинами) собирание диких растений, оба пола должны были проходить такого рода подготовительный период во время полового созревания. У народов же земледельческих культур, у которых возделываемые растения имеют несравненно большее значение, чем добываемые на охоте животные, обряды посвящения девушек часто затмевают обряды посвящения юношей.

Юноши во время подготовки должны прежде всего представить доказательства того, что они вполне обладают подобающей мужчине физической силой. Они подвергаются всякого рода испытаниям на храбрость, и символическая «смерть» ребенка перед его возрождением в виде взрослого часто принимает формы настоящей пытки. Длительный период физических и духовных испытаний проводится в уединенном месте, среди девственной природы, вдали от домашнего уюта и в изоляции от другого пола. Под руководством стариков, играющих роль духов, юношам приходится проходить чрезвычайно суровый курс обучения. Своего кульминационного пункта период подготовки достигает с раскрытием священного мифа о происхождении племени, тайны которого никогда не открывают женщинам. Познавшие этот миф юноши считаются готовыми к священному причащению.

Никакого возрастного ценза для сдачи такого «экзамена» не устанавливается. Кандидаты могут иметь девять или десять, пятнадцать или шестнадцать лет. Иногда им приходится ждать, пока не составится достаточно большая группа учеников для подготовки. В других случаях обряд инициации ускоряется или задерживается иными причинами, например, климатом или наличием съестных припасов.

Как же совершается эта церемония? Узнать о том, каким образом протекают подготовка и «причащение», чрезвычайно трудно, потому что они относятся к самым священным проявлениям общественной жизни племени и совершаются под покровом полной тайны. Для постороннего человека обряды эти совершенно недоступны, вследствие чего приезжему исследователю их почти невозможно описать. Поэтому тайны обрядов инициации могут быть открыты нам только такими исследователями, которые провели среди данного племени долгие годы и у которых, кроме того, имеется необходимое этнографическое образование, то есть учеными, вроде, например, англичанина Хауитта, который был принят в члены австралийского племени курнаи и сам подвергся обряду инициации, или патера

Гузинде, которому довелось пережить и испытать то же самое среди огнеземельцев селк'нам на крайней южной оконечности южноамериканского континента. В частности, личный опыт и сведения, полученные Гузинде среди селк'намов, дают чрезвычайно интересный материал о сущности обряда инициации у примитивных народов.

Лишь после длительных совещаний старейшины племени решаются выполнить «тяжелую обязанность», то есть назначить дату для периода испытания, во время которого юноши должны быть посвящены в интимнейшие тайны племени, прежде чем им будут предоставлены привилегии взрослых. При этом также не устанавливается никакого возрастного ценза, а допускаются лишь только мальчики, которые достигли необходимой степени духовной и физической зрелости, находящей свое выражение в линии поведения - в сдержанности по отношению к женскому полу, в силе воли и главное в способности нерушимо хранить вверенную тайну. Гузинде приводит слова стариков: «Мы наблюдаем за юношей, чтобы установить, способен ли он молчать, достаточно ли он уже отошел от игр маленьких детей и освоил ли он уже предстоящую ему в будущем работу. Если-он не удовлетворяет нашим требованиям, мы заставляем его ждать до следующего праздника». Если результат наблюдения оказывается благоприятным, юношу принимают в «клубкетены», то есть в посвящаемые. Как только наберется группа мальчиков, которых нужно обучать, им назначают учителя, в большинстве случаев отца старшего из участников. После этого старики подыскивают подходящее для «школы» место, совершенно уединенное, предпочтительно у опушки леса, отделенное широкой полосой пампы от стоянки племени и в то же время недалеко от морского берега, там, где можно найти достаточное для охоты количество гуанако и диких гусей, чтобы обеспечить учеников пищей. Юноши прощаются тогда со своими семьями, причем женщины начинают громко плакать и причитать. Туловища клубкетенов раскрашиваются красной краской, и они, «дрожа от страха» следуют за своим учителем по направлению к «ха'ин» - «большой хижине» или школе.

Едва успеют они туда прийти, как к ним является знакомый им уже с детства замаскированный «дух», страшный Шо'орте, который вызывает каждого клубкетена в отдельности на борьбу. Когда ученик, изнемогая, с проступившим на лбу от страха потом отказывается от сопротивления, собравшиеся мужчины приказывают ему снять собственноручно маску Шо'орте с его головы. Сделав это, он, к своему безграничному удивлению, видит лицо одного из своих соплеменников, который обычно представляет «духа». Под угрозой смерти в случае нарушения тайны ему сообщают тогда, что Шо'орте, чей пугающий образ должен наводить страх на женщин и детей, является таким же смертным, как и он сам.

Установленный порядок ежедневного обучения чрезвычайно суров. Предписывается даже, какие позы следует принимать, находясь в

священной хижине-школе. Ученик не смеет ни разговаривать, ни смеяться, взор его всегда должен быть опущен долу. Пища его ограничивается до минимума, и он должен довольствоваться лишь несколькими часами сна. Днем и ночью, всегда под руководством старейшины, совершаются длинные экскурсии по лесам и горам. Чтобы овладеть стрелой и луком, каждый клбкетен должен регулярно упражняться в стрельбе по заданной цели, и когда он, усталый, наконец возвращается в «большую хижину», ему приходится стоя, как установлено, на вытяжку, выслушивать длинные лекции о поведении, морали и истории племени. Основным содержанием этих «лекций» являются «трудолюбие, верность долгу, уважение к старшим, повиновение родителям и родственникам, альтруизм и готовность к оказанию помощи, обходительность и супружеская верность», а их целью - воспитание «настоящих мужчин и верных защитников племенных традиций». После того как клбкетен усвоит духовные основы, его посвящают в мифологические тайны племени. Он узнает, что не только Шо'орте, но и все «духи», которых женщины и дети считают сверхъестественными существами и чтут их, являются всего лишь переодетыми мужчинами, красящими свои тела в красный, белый и черный цвета и надевающими на голову маску. С амыми м огуществ ен ны м и «духами» являются Халпен (появляющаяся, к смущению женщин, в «женском образе») и ее супруг Шо'орте.

Может пройти несколько месяцев, прежде чем курс обучения достигнет своего кульминационного пункта - раскрытия испытуемым священной тайны мифа о происхождении племени селк'нам. Этот миф, рассказываемый старейшинами, начинается следующими словами: «В старое время на Исла Гранде (Большом острове) было уже много людей. В то время солнце и луна, звезды и ветры, горы и реки бродили здесь еще в образе людей, подобных нам...» Согласно этому мифу, господствующее положение в племени ранее принадлежало женщинам. Но женщины обманывали мужчин, и те восстали против них. Во время этого восстания животные, солнце, луна и другие силы природы приняли свой нынешний образ и бежали туда, где они пребывают теперь. Вслед за этим ради безопасности своего собственного будущего мужчины приняли решение сочинить легенду о замаскированных духах, которых с тех пор изображают сами мужчины. Тот, кто выдаст тайну, будет тут же убит, -однако в этом никогда не было надобности, потому что мужчины племени селк'нам берегли свою тайну на протяжении столетий и берегут ее и по сей день; и поныне они в последние дни подготовительного периода при свете луны медленно и торжественно выходят из «бошпой хижины» в пампу, чтобы внушить женщинам почтительный страх, и в сопровождении новых хранителей тайны, бывших клбкетенов, возвращаются в ха'ин.

Если мы вспомним, что селк'намы принадлежат к примитивнейшим собирателям и охотникам, то нам остается только подивиться их глубочайшей серьезности и тому, какое воспитательное значение они придают моральным ценностям. В сравнении, например, с нашим

«энциклопедическим» школьным обучением, при котором воспитанию моральных качеств придается несравненно меньшее значение, воспитание у селк'намов далеко не столь «дико». Столь же серьезное впечатление производят и методы обучения, которые наблюдал Хауитт у австралийского племени собирателей и охотников.

У всех племен, у которых имеют место обряды инициации, кульминационным пунктом обучения считается посвящение в тайну мифа о происхождении племени. Таким же образом, например, узнают и индейцы зуньи «подлинную» историю их священных связей с масками качина, в которых они устраивают торжественное шествие во время ежегодного праздника плодородия. Эти «божественные» маскарадные костюмы передаются по наследству из поколения в поколение.

Таким образом, многие мистические явления, которые мы привыкли считать баснями и сказками, (как, например, истории о священных масках, занимают в идеологии первобытных народов то же место, какое у нас занимают религия, история и этика. Для первобытных народов мифы столь же «достоверны», как для нас, скажем, сообщение о Карле Великом или о французской революции, ибо духи прошлого, духи предков и магические силы природы непрестанно влияют на жизнь нынешних поколений. Если их легкомысленно вызывают, они жестоко мстят, но зато осыпают всеми благами своих верных почитателей. Они живы для первобытных людей, чего мы не можем сказать даже о самых выдающихся деятелях нашей прошлой истории. Уже по одной этой причине учрежденный в честь этих духов культ является делом огромной важности для каждого члена племени. Тот факт, что священные маски этих духов носят смертные, никоим образом не принижает их божественных свойств.

В обрядах инициации у многих народов сильнейшим образом подчеркивается мотив смерти и воскресения. Часто во время проводимого в уединении периода подготовки посвящаемые с головы до ног покрываются белой краской, чтобы показать, что в этот промежуточный период они не принадлежат уже к живым (их детство умерло) и что до приобщения их к демонам плодородия они являются не людьми, а духоподобными существами. А перед завершающим испытанием на зрелость не только их ум возбуждают чрезвычайными откровениями, но и тело их иногда подвергают настоящим пыткам.

Особенно жестоки в этом отношении ежегодные обряды инициации у индейцев мандан. Ранее в их ритуал входил обычай так называемого похк-хонг - «раскачивания на крюках». У посвящаемых надрезали в нескольких местах кожу, чтобы через надрезы можно было пропустить крюки. Эта операция производится неизвестным для юноши замаскированным человеком. Исследователь Маклеод так описывает этот обычай: «Священный дом индейцев мандан покоится на четырех столбах. Продетые сквозь кожу жертвы крюки связывают канатами, на которых испытуемого подтягивают в висячем положении к вершине

одного из четырех столбов. Тело юноши обнажено, но в руке он держит сумку с лекарственными снадобьями. Щит его качается на одном из продетых сквозь его кожу крюков. Как только юношу подтянут к вершине столба, помощник начинает его вращать вокруг столба в парящем положении, в результате чего испытуемый теряет сознание. Когда он лишается чувств, присутствующие восклицают: «Умер!» - и его спускают вниз и укладывают на землю. Потерявшему сознание после раскачивания на крюках запрещается оказывать какую-либо помощь. Его оставляют лежать вне священного дома на том месте, где он упал, до тех пор пока он либо умрет (что, однако, случается крайне редко), либо очнется сам. Участники этого представления верят, что великий дух либо «забирает его (то есть дает ему умереть), либо пробуждает к новой жизни».

Перенеся такую пытку в честь великого духа, посвящаемый должен принести ему в жертву еще мизинец левой руки.

Почти столь же жестоки и описываемые Тессманом пыжи, которым подвергают молодых пангве. В «священный дом» приносят двести гнезд особенно злых муравьев. Помимо их укусов, посвящаемый должен еще вытерпеть прикосновение каких-то ядовитых стручков, от которых на коже образуются волдыри, причем все время выкрикиваются слова: «Мы убиваем тебя!» Перед началом периода уединения голые тела юношей раскрашивают в белый цвет смерти. Их половые органы прикрывают футлярами, украшенными перьями, и они ходят со специальными ксилофонами, звук которых заставляет соплеменников убегать подальше от них. Когда их, наконец, принимают в племя, признав их мужчинами, они возвращаются домой, окрашенные в красный цвет жизни и радости.

Фантазия первобытных народов совершенно неисчерпаема по части измышления различных способов пыток, цель которых дисциплинировать посвящаемых. Так, нуэры в районе Нила делают юношам поперечные надрезы на лбу; папуасы нор Новой Гвинеи прокалывают своим юношам *tembra* острыми травами и бьют их колючими розгами. Чрезвычайно широко распространенный при посвящении обряд обрезания, который некоторые ученые называют «символической кастрацией», представляет собой в сущности не что иное, как еще одну форму символической смерти.

Выдержав все эти тяжкие испытания, юноша и в самом деле чувствует себя новым человеком. Длительный пост, полученные уроки, познание мистических тайн племени, разрушивших представления его детства, и к тому же чувство, что он пережил муки посвящения, преисполняют его гордым сознанием своего мужского достоинства, которое не покидает его уже в течение всей его последующей жизни. В этом гордом сознании он воспитывает и своих собственных сыновей и делает все от него зависящее, чтобы и им дать такую же выучку для подготовки их к посвящению - этому величайшему событию в их жизни.

Как видно из этих фактов, у первобытных народов не может быть и речи о совместном воспитании детей обоего пола. Суровая дисциплина при испытании мужества, полное различие между предметами, преподаваемыми мальчикам и девочкам, строгие правила полового общения и в первую очередь магическое значение «лекций», читаемых в «университетах» джунглей, - все это заранее исключает возможность совместного обучения мальчиков и девочек. В течение этого периода девушкам, как и юношам, доверяются тайны, связывающие их на всю жизнь, на строгое соблюдение которых покоится вся духовная жизнь племени. Эти тайны требуют полной изоляции полов, особенно во время обрядов инициации, когда формируются тело и душа.

Ввиду того, что у девушек половая зрелость проявляется в форме физического процесса, который поддается точному определению, многие племена рассматривают первую менструацию как признак, свидетельствующий о достижении зрелого возраста. Во всем мире распространен обычай запирает девушек и женщин на этот период в маленькие, изолированные от остального племени, хижины, где они должны жить в полном уединении. В это время они едят с особых тарелок и пользуются особыми орудиями и инструментами (которые часто сжигаются после употребления) и возвращаются к своему племени после очистительной ванны в свежем платье. И этот обычай можно толковать как символический ряд «смертей» и «воскресений», которые непрерывно следуют друг за другом в течение всех лет половой зрелости. Во время менструации полная изоляция от мужского пола является обязательной, и нарушение этого закона могло бы повлечь за собой болезнь или смерть правонарушителя или даже всего племени.

Достижение половой зрелости считается радостным событием и, в частности, в Африке отмечается как праздник, с песнями и танцами. Брейткопф рассказывает, например, о таком празднике у кпаидо в Того, которые пели в честь девушки по имени Дзод-зеафефое такую песню:

«Свежий овощ! Свежий овощ! Дзодзеафефое празднует свою половую зрелость. Я отправился ее посмотреть. Ее отец также богат, как и ее мать. В честь ее они сварили курицу и кашу из окро».

На Новой Гвинее девушку по случаю первой менструации одаривают такими подарками, как, например, новый набедренный пояс, браслеты и ожерелья, сделанные, из драгоценных собачьих зубов. Но прежде чем получить эти дары, она должна пройти сложный курс, посвященный главным образом искусству ведения домашнего хозяйства и знакомству с историей племени. По окончании периода обучения на ее грудях наносят надрезами священные символы лунного серпа, и она должна отправиться к лагуне, где все подвергающиеся обряду инициации ложатся в неглубокую воду, и старые женщины расхаживают по их распростертым телам.

Теоретическое обучение часто длится (более месяца. У индейцев мбайя в Парагвае девушку обучает ее мать. Североамериканские индейцы также считают достижение половой зрелости у девушки важным периодом жизни. У апачей, например, церемонии посвящения девушек отличаются значительно большей сложностью, чем церемонии посвящения мальчиков. Соплеменницы гоняют девушку, бьют ее и подвергают строгому экзамену, после чего она под аккомпанемент барабана, преследуемая шутами и замаскированными демонами, должна танцевать на новом одеяле.

С ростом влияния женского пола у народов так называемых матриархальных земледельческих культур празднование достижения девушками половой зрелости приобретает все более торжественные формы. Так, в Западной Африке устраивают чрезвычайно сложные празднества для прославления девушек, достигших половой зрелости. Практикуемая народами более примитивных культур временная изоляция девушек в течение подготовительного периода приводит к развитию узких объединений в форме тайных обществ женщин, которые иногда даже захватывают в свои руки законодательную власть и держат мужское население своего района в страхе и беспокойстве. Чем больше власть таких объединений, тем строже бывают предписания посвящения, предшествующего окончательному приему в сообщество.

В «пансионатах» Йевхе на Золотом и Невольничьем Берегах послушница обязана прежде всего сбрить волосы со всего тела. Она принимает холодную ванну, после чего ее натирают «священным» маслом. Старую одежду снимают и заменяют белой хлопчатобумажной, которую послушница получает от верховной жрицы. В качестве еще одного знака, свидетельствующего о «смерти» ее прежнего естества, она получает новое имя (пользование старым сурово карается). К тому же она должна изучить новый язык - агбуигбе, тайный (жаргон всех членов общества, и подчиняется совершенно новым правилам поведения. Если ей встречается начальница, она должна стать на колени и хлопать в ладоши, соблюдая своеобразный ритм. Старшие женщины ежедневно преподают ей уроки пения; кроме того, она учится искусству прядения, плетения корзин и цыновок и другим вещам, пока, наконец, она не достигнет той стадии зрелости, когда ее обучают составлению тайных ядов. Цель такого воспитания заключается в стремлении «убить в девушке все естественные чувства». Только после достижения высшей степени самообладания она имеет право на (Короткое время покидать школу, чтобы заботиться о хозяйстве Йевхе, приносить воду и дрова. Если во время таких выходов она случайно встретит кого-нибудь из членов своей семьи, она должна обойтись с ним как с совершенно посторонним человеком.

Такое перевоспитание характера девушки достигается при помощи угроз и строгих наказаний. Когда, по мнению верховной начальницы Йевхе, девушка достигнет, наконец, высшей степени зрелости, она

имеет право покинуть тайное общество и возвратиться в семью в качестве нового человека. Ее отпущение стоит в центре торжественной церемонии, называемой «деде ле Йевхе ме» (отпущение из Йевхе) или «деде ами ме» (отпущение из священного масла). Жрица, окропив девушку кровью только что зарезанной курицы и украсив перьями и цветами, отправляет ее домой к родителям. Дома ее принимают с великой радостью. Но еще целых четыре месяца она не может пользоваться родным языком и должна говорить на тайном языке агбуигбе.

Хотя ее пребывание в «пансионате» тайного общества носит лишь временный характер, все же тот факт, что благодаря полученному ею образованию она принадлежит к «просвещенным», оказывает большое влияние на всю ее последующую жизнь. Это влияние оказывается иногда настолько сильным, что девушка принимает решение навсегда связать себя с тайным обществом. В этом, случае она возвращается к сестрам Йевхе и обязана пройти еще целый ряд испытаний, в результате которых она может добиться очень влиятельного положения внутри этой группы. Даже если она потом и покидает тайный союз, чтобы выйти замуж, она в любое время может прибегнуть к авторитету этого общества, с тем чтобы союз, например, в случае супружеских раздоров, оказал ей помощь и установил ее права. В доме Йевхе она всегда находит защиту и приют, жрицы во всех спорных случаях становятся на ее сторону и могут заставить супруга обиженной сестры внести значительный выкуп за ее возвращение к нему.

Следовательно, такие тайные женские общества не создаются лишь на короткий срок для совершения обрядов инициации и не распускаются затем, как это было у народов более примитивных культур, а существовали до подготовки к инициации и продолжают существовать после ее завершения. Своим покровительством, оказываемым ученицам и после их отпущения, эти общества в значительной мере способствуют повышению роли женщин в семье и в обществе и росту их влияния. В Африке имеются сотни таких тайных женских союзов, как, например, общество Ниенго (это слово означает «водяная нимфа») в Южном Камеруне, общество Лезиму у бакоко и общество Санди у вей. Занимаясь официальными делами, члены общества имеют право сохранять инкогнито, прибегая к характерным черным деревянным маскам со специально устроенной резной деревянной прической. Чтобы подчеркнуть «сверхъестественные силы» замаскированной, маска дополняется косметикой и фантастическим костюмом.

К числу наиболее известных тайных женских союзов принадлежит союз Бунду в Мендиленде (Нигерия); члены его подразделяются на три ранга: ранг послушниц или прислуживающих, именуемых дигба, которые участвуют также в качестве помощниц в религиозных церемониях; рангом выше их стоит нормех или дьяволица Бунду, которая выполняет приказания высшей повелительницы - совех. В то

время как дигба занимают более или менее подчиненное положение, носительницы высших рангов осуществляют власть настоящего тайного судилища. Все личные приметы исчезают под панцыреподобной маскарадной одеждой черного цвета. Руки и лица покрываются белилами, и резная черная маска закрывает целиком всю голову. Эти женщины обладают достаточной властью, чтобы наказать и даже убить каждого мужчину, проникшего на их священную территорию. Онемевший и застывший от ужаса, стоит он перед «магической» личностью совех. Если он все же отказывается уплатить требуемую с него сумму отступного, то в таком случае его либо продают вне пределов племени как раба, либо молчаливо указующий на него скипетр совех обрекает его на немедленную смерть.

Если даже дигба сдаст экзамен и возвратится к своим, опыт, приобретенный ею в союзе Бунду, будет и в дальнейшем способствовать ее чрезвычайно влиятельному положению в племени. Для того чтобы защитить себя от отнюдь не «слабого пола», мужчины тоже прибегли к мерам самообороны и со своей стороны стали образовывать тайные общества, в которых юноши надлежащим образом обучаются, чтобы обезопасить себя от угроз женщин. Эти тайные общества мужчин представляют собой настоящие клубы, в которых каждый член всегда является желанным гостем (*Мысль Липса, что мужские союзы являются лишь формой своеобразной реакции на более ранние женские союзы, - оригинальна и интересна, но очень спорна. Обычно считают, что, напротив, женские союзы возникли как своего рода самооборона против мужских союзов, более широко распространенных и имевших более важное историческое значение как орудие борьбы против матриархата и как органы власти отслаивающейся имущей верхушки. - Прим. ред*).

Влияние таких клубов, «пансионатов» и «университетов» джунглей ослабевают только тогда, когда возникают различные организации высококультурных народов. Государство принимает на себя функции исполнительной власти, в то время как духовенство ограничивается воспитанием юношей и девушек, главным образом, в религиозном духе. Сложный характер тайных обществ утрачивается, и отдельные элементы культуры, на которых строилось могущество союзов, распадаются на различные специальные области. В качестве современных пережитков тайных обществ можно назвать студенческие корпорации, объединения и бесконечное множество рассеянных по всему миру клубов и лиг.

Воспитательные учреждения древних высококультурных народов почти не отличаются от наших, хотя разнообразие изучаемых предметов, тесная связь обучения с определенной религией и суровая дисциплина обеспечивали более (широкое образование, чем это наблюдается в наше время. В связи с тем, что, например, у инков, ацтеков и египтян образование было привилегией лишь высших классов и каст, оно достигло чрезвычайно высокого уровня (*Здесь Липс, как уже говорилось, идеализирует прошлое - на этот раз, правда, не «первобытные» народы, а народы древних «высоких культур». Едва ли можно согласиться с тем, что у*

этих древних народов уровень образования и морального воспитания был (хотя бы для привилегированных групп) выше, чем у современных народов. Липс поддается влиянию романтической тенденции некоторых буржуазных историков приписывать древним египтянам, древним мексиканцам и т. п. какую-то необычайную мудрость и недоступные нам теперь знания. - Прим. ред). Это же относится и к религиозным «университетам» ислама, буддизма и ламаизма. Люди в современном капиталистическом обществе стремятся заработать как можно скорее побольше денег сразу после сдачи экзамена. Такой жажды денег не было у избранных групп богачей, имевших возможность получить высшее образование. Помимо того, они особо заботились о том, чтобы остальная часть населения продолжала находиться в полном невежестве. Как указывает Хельткер, во времена Ицкуатля, четвертого короля Мексики, правившего с 1427 по 1440 год, было публично сожжено множество священных кодексов, так как было «слишком много экземпляров» этих кодексов и король считал опасным, если бы «слишком много людей, особенно рабов» овладело «знанием черного и красного» (черных и красных рукописей).

Так, изобретение письма служило обогащению немногих, составлявших правящий класс, и отнюдь не было благом для всего народа. В течение столетий, предшествовавших изобретению книгопечатания, знание и образование было ревниво оберегаемой привилегией избранной группы, члены этой группы с презрением и свысока смотрели на людей, лишенных знания, численно намного их превосходивших, и тщательно старались держать их подальше от премудрости, запечатленной на каменных плитах, на папирусах или на великолепно иллюстрированных средневековых пергаментах. В сокровенной тибетской книге мертвых имеется типичная для книг такого рода рекомендация не раскрывать сокрытые в ней тайны народу, ибо «какого добра можно ожидать от простого человека?»

Такие суждения резко противоположны идеалу «равных возможностей», который присущ подлинно демократическому обучению первобытных народов. Знание одного человека является у них общим знанием, и каждому члену племени доступна мудрость общества. Этот идеальный принцип был уничтожен с образованием классов и каст у народов высокой культуры. Воспитание и образование стали привилегией богатых. Нераздельное могущество общественного мнения оказалось расколотым, и каждый класс или каста установили свой собственный уровень образования, свои правила поведения или этикета. С ранних лет внимание подрастающей молодежи обращали на различия между отдельными классами и больше не принуждали ее стремиться к общепринятым, освященным традицией идеалам поведения и знания.

Благодаря такой социальной несправедливости, распространяющейся на методы воспитания народов высокой культуры, и ограничению числа образованных лишь небольшой группой, которая противостояла большинству лишенных знания, уровень знаний этой небольшой привилегированной группы мот

достигнуть очень большой высоты. Физическим трудом заниматься не приходилось, и в доме, полном обслуживающего персонала, можно было стать высокообразованным, культурным человеком. Родители были в состоянии весьма тщательно заниматься подготовкой своих детей к тому руководящему положению, которое им предстояло занять в будущем.

Это вовсе не означает, однако, что система воспитания, принятая в этом кругу, приводила к изнеженности молодежи. Напротив, как пережиток древних жестоких обрядов посвящения, и теперь большую роль в воспитании юношества играли телесные наказания и железная дисциплина, имеющая своей целью умерщвление плоти. В честь богов родители и дети прокалывали себе языки шипами, обрезали уши и подвергали себя самым различным формам самоистязания, как свидетельствует об этом обозначающее полночь ацтекское слово «нететекитпан» - «время самобичевания». Величайшим грехом у ацтеков считалась ложь. Губы лживого ребенка прокалывали шипами, непослушных мальчиков секли крапивой, а на ноги маленьких девочек, которые слишком часто уходили из дому, надевали цепи. Уроки этики, которые преподавались родителями своим детям, свидетельствуют об удивительной моральной чистоте и по сути намного превосходят наши этические воззрения. Так, например, сообщаемые Хельтке-ром, по данным Клавихеро, следующие наставления мексиканских отцов для своих сыновей составляют основу основ всякого хорошего воспитания:

«Почитай всякого, кто старше тебя, и никого не презирай. Не будь глух к бедным и несчастным, а утешь их. Почитай всех людей, но особенно твоих родителей, к которым ты обязан проявлять послушание, уважение и услужливость. Не следуй примеру безбожных детей, которые, подобно неразумному скоту, не почитают родителей, не слушают их наставлений, не повинуются их предостережениям и не считаются с наказаниями. Не насмехайся, сын мой, над стариками и калеками. Не презирай того, кто совершит глупость или ошибку. Не упрекай его за это. Больше всего остерегайся ошибок, которых ты не можешь переносить у другого. Не ходи туда, где тебя не желают, и не вмешивайся в то, что тебя не касается. Старайся также во всех словах и поступках и внешне проявлять благовоспитанность. Ешь за столом без особой жадности; не показывай, если тебе что-либо не по вкусу... Если тебе что-либо дарят, принимай это с благодарностью. Если подарок большой, не кичись этим; если он маленький, не пренебрегай им. Если станешь богатым, не становись высокомерным. Кормись собственной работой, тогда пища будет казаться тебе вкуснее... Никогда не говори неправды. Ни о ком не говори плохо. Не будь поставщиком новостей. Не затевай вражды... Если тебе предложат должность, то сначала подумай о том, что, быть может, этим предложением тебя хотят только испытать. Поэтому не принимай ее сразу, даже если ты знаешь, что к этой должности ты более пригоден, чем кто-либо другой. Принимай ее лишь после того, как тебя станут упрашивать. Тогда ты заслужишь себе уважение. Не будь

расточительным. Не кради и не предавайся игре, в противном случае ты навлечешь позор на твоих родителей... Я желаю этими добрыми наставлениями укрепить твое сердце. Не колеблясь, прими их с охотой. От этого зависят твоя жизнь и счастье».

Матери, подготавливая своих дочерей к жизни, тоже дают им подобные добрые советы:

«Прилежно пряди и тки, шей и вяжи. Не предавайся слишком долго сну; не ищи постоянно тени, а отправляйся на свежий воздух и там отдыхай. Женское жеманство влечет за собой праздность и другие пороки. Во время работы не предавайся дурным мыслям. Если тебя позовут родители, то не дожидайся повторения, а сразу же иди выслушать их желания. Не отвечай что-либо наперекор. Не показывай, если ты что-либо делаешь неохотно... Никого не обманывай. Живи со всеми в мире. Люби всех, чтобы они тоже любили тебя. Не слишком кичись своим имуществом... Не водись с распутными, лживыми и праздными женщинами. Заботься дома о семье. Не уходи из дому по всякому пустяку и не показывайся часто на улице и рыночной площади, ибо в этих местах тебя ждет гибель. Лишь в самом крайнем случае заходи в чужой тебе дом, чтобы не могли подумать или сказать что-либо в ущерб твоей чести. Если ты приходишь в дом родственников, сразу же старайся быть полезной, берись за прялку или за что-либо иное. Итак, довольно, дочь моя, да благословят тебя боги!»

После полученного в родительском доме воспитания юная девушка могла поступить в одну из двух предназначенных для нее школ: лицей, обучаясь в котором она оставалась жить у родителей, или школу при храме, где она пребывала под строжайшим надзором и направлялась туда либо на время, как в пансионат, либо навсегда, чтобы стать жрицей.

Образование ацтекских юношей носило значительно более многосторонний характер. Когда сыновья высокопоставленных семей достигали возраста двенадцати-тринадцати лет, их отдавали под присмотр жрецов в жреческий дом, где, кроме религии, их обучали всем видам физического воспитания, а также астрономии и истории. После сдачи экзамена они переходили в дом песни и танца, который, вопреки своему названию, был не местом развлечения, а учреждением, созданным для военной подготовки.

Такого же рода образование получали молодые люди всех народов древних высоких культур; к ним надо причислить, в первую очередь, спартанцев, чья система воспитания отличалась особой выдержкой и дисциплиной.

Прошло много столетий, прежде чем постепенно стал вырисовываться идеал высшего образования для всех. Лишь появление печатной книги, общественные школы и выделение

профессионального учительского сословия, освободившегося от опеки господства духовенства, стали постепенно удовлетворять задачам современных методов воспитания и способствовать частичному их претворению в жизнь.

Но хотя сейчас и изучается (значительно больше научных дисциплин, чем в древние времена, все же умственное развитие и воспитание характера в империалистическом мире не идет ни в какое сравнение с тем, что получала молодежь у народов первобытной культуры. Преобладание профессионального обучения ведет в условиях несовершенного капиталистического строя к стремлению прежде всего заработать деньги и вместе с этим - к искажению и уродованию этических и моральных идеалов.

С преодолением «суеверий» каменного века многие современные люди утратили чувство близости к природе, свойственное примитивным людям, и их уважение не только к другим людям, но и ко всему живому. По мере совершенствования нашего идеала воспитания, должно углубляться и наше понимание добродетелей, судьбы, мастерства и дел тех, кто жил и боролся до нас на нашей земле.